

Борис Лавренев

Крушение республики Итль

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-3
ББК 84
Л13

Л13 **Лавренев Б.**
Крушение республики Итль / Борис Лавренев – М.: Книга по Требованию, 2012. –
161 с.

ISBN 978-5-458-03524-8

ISBN 978-5-458-03524-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Борис Лавренёв
Крушение республики Итль

*Елизавете Михайловне Горбачевской
Поочередно он защищал и сражался
со всеми нациями Европы и три раза
спас свое отечество... но последний
бросок костей не был для героя удачным.
А. Франс*

1. Миссия генерала Орпингтона

Если вы спросите у кого-либо из благомыслящих граждан великой морской державы Наутилии, кого он считает наиболее выдающимся деятелем своего отечества в течение последних пяти лет, опрошенный, почти не раздумывая, ответит: «Конечно, генерала Чарльза Орпингтона».

Больше того... Спрошенный гражданин вынет из своего жилетного кармана часы, откроет крышку и со вздохом скорбной любви покажет вам портрет-миниатюру пожилого господина с энергичный сухим лицом и веселыми, почти юношескими глазами.

Такие часы пользовались одно время бешеной популярностью в Наутилии, и часовая фирма «Мак-Клор и К^о» стяжала на них феноменальные барыши, так как всякий гражданин считал своим долгом иметь портрет великого полководца и политика.

Часы выпускались в продажу на самые различные цены для удовлетворения спроса не только высших слоев общества, но и бедноты, потому что Наутилия – страна о широкими демократическими принципами.

Обладатель часов прибавит еще со вздохом, что хотя клеветники из безответственных демагогов и элементы, зараженные микробами коммунизма, и обвиняли Орпингтона в гибели – по его вине – республики Игль, вверившейся защите наутилийского правительства, и в потере вложенных в предприятия этой республики государственных средств, а равно и частного капитала Наутилии, но сам сэр Чарльз, при всех своих поистине огромных талантах, был бессилен против каприза и воли провидения.

Клеветники же, как известно, являются неотъемлемыми спутниками всех великих натур, и в Древнем Риме таковых даже нанимали нарочно для пущей славы героя.

Всматриваясь в портрет, вы увидите тонкую надпись латинскими буквами вокруг головы: «*Salvator et liberator populorum minorum*»¹.

Не трудитесь рыться в библиотеках и архивах в поисках печатных сведений о биографии и деятельности генерала Орпингтона, ибо мы сейчас прогуляемся по его славной жизни со всей доступной в столь важном вопросе научностью и добросовестностью.

Генерал-адъютант, кавалер большого креста святого Ремигия, генерал-квартирмейстер собственной его величества квартиры, полководец, прославивший себя в летописях родной страны походом колониальных войск в страну Данакиль, обращенную в прах и пепел, второй сын герцога Джемса Реджинальда Мекгама, – сэр Чарльз Альжернон, лорд Орпингтон, вступил в службу его величества сублейтенантом тяжелой гвардейской кавалерии в 1892 году, 11 июня.

О первых шагах его на служебном поприще до 1897 года известно мало, но в этом году он увез знаменитую красавицу сезона – леди Сильвию Брайтон и, будучи вызван на поединок мужем этой дамы, блистательным ударом палаша лишил ревнивца носа и верхней губы.

Этот подвиг обратил наконец внимание высшего командования на блестящие дарования молодого лорда, и он был произведен вне очереди старшинства в лейтенанты собственного его величества кирасирского полка.

Неуклонно поднимаясь по служебной лестнице, прославляя себя все новыми и новыми заслугами перед короною, а также парламентом, потому что Наутилия, с тех незапамятных времен, когда ее граждане впервые сменили кожаные передники на такие же штаны, была государством умеренно конституционным, что составляло предмет ее национальной гордости, – лорд Орпингтон был неизменным баловнем судьбы.

К описываемому времени сэра Чарльз Альжернон снискал репутацию опытного стратега и искусного дипломата, ибо не страдал той узостью взглядов, которая обычно отличает военных, а главное, считался очаровательным собеседником и одним из лучших знатоков игры в бридж.

Поэтому, когда кабинет подыскивал подходящего руководителя военно-дипломатической экспедиции, отправляемой для поддержки республики Итль, которая боролась за свою национальную и политическую независимость от бывшей величайшей восточной империи, распавшейся и охваченной пламенем гражданской войны, – все члены кабинета единодушно остановились на кандидатуре генерала Орпингтона.

– Этот человек, господа, – сказал премьер-министр, – будет на высоте положения, как достойный представитель нашей славной родины, и как боевой вождь, и как исключительно осторожный дипломат, который избежит опасности вовлечь нас в международные осложнения. Кроме того... – премьер многозначительно улыбнулся и принял неофициальный тон, – если посмотреть на эту историю по существу, нельзя не отметить ее, я бы сказал, опереточный характер, и я полагаю, что блестящее остроумие сэра Чарльза и склонность к блефу... вы понимаете?..

Молчаливым наклонением голов коллеги показали, что они вполне понимают премьера, и назначение сэра Чарльза пошло на утверждение парламента и короны.

Со стороны последней не встретилось никаких возражений, хотя его величество и выразил сожаление, что лишается на долгое время партнера за зеленым столом, но, будучи воспитан в строго конституционных началах, он понимал, что монарх должен жертвовать стране личным счастьем, и потому подписал приказ.

Но в парламенте разыгрался скандал. Известный своей противоправительственной деятельностью и отсутствием патриотизма депутат крайней левой Джиббинс бросил с трибуны в лицо правительству дерзкую фразу, что если уж оно настолько слепо, что не желает видеть, в какую бездну толкает страну, возлагая невыносимые тяготы на пролетариат своей захватнической политикой, то, по крайней мере, должно понять, что нельзя посылать в качестве полномочного представителя человека с куриной фамилией. При этом Джиббинс воспользовался случаем, чтобы сказать, что спасение страны – в коммунистической революции, но был немедленно лишен слова председателем и исключен на пятнадцать заседаний.

Поднявшийся на трибуну для ответа военный министр неоспоримо доказал, что не лорды Орпингтоны ведут свой род от премированной породы кур, а наоборот – куры получили свое прозвище от доблестной фамилии Орпингтонов, заслуги коей отмечены еще в восьмом веке составителем хроники, преподобным Тикасием Чезльвикским.

Жалкое мяуканье оппозиции было заглушено аплодисментами либерального блока.

Вот почему девятого апреля, при огромном стечении восторженной толпы, сэр Чарльз Альжернон отплыл из военной гавани Кэттоуна на «Беззастенчивом» – флагманском дредноуте контр-адмирала Кроузона.

В его распоряжении находилась вспомогательная эскадра внутреннего моря в составе двух линейных кораблей, четырех линейных крейсеров, легкого крейсера «Аметист», одиннадцати контрминоносцев и двух субмарин дальнего плавания.

Кроме того, в эскадре шли пять транспортов с бригадой пехоты экспедиционного корпуса, артиллерией, аэропланами и другими вспомогательными родами оружия.

По выходе в открытое море сэр Чарльз, расположившись в адмиральской каюте на диване за обильным ленчем с бодрящими аперитивами, вскрыл запечатанный большой коронной печатью холщовый пакет и с любопытством взглянул на шуршащую шелковую бумагу секретной инструкции.

Она гласила, что на командующего экспедиционным корпусом возлагается задача поддерживать демократическое правительство республики Итль в борьбе за национальное и политическое самоопределение с преступившими все божеские и человеческие законы анархическими бандами бывшей империи Ассора, причем вверенные генералу войска Наутилии не должны употребляться для боевых действий, во избежание международного конфликта. На экспедиционный корпус правительством возлагалась только внутренняя служба и охрана побережья Итля, что давало возможность покровительствуемой республике бросить все вооруженные силы на фронт, не опасаясь осложнений внутри страны.

Особо подчеркивалось, что, при наличии огромных природных богатств Итля и малоразвитой промышленности молодой республики, Наутилия готова оказать ей материальное содействие и кредит государственным и частным капиталом при условии соответствующего обеспечения вложенных средств долгосрочными промышленными концессиями.

Рекомендовались особая осторожность и такт, и к тексту инструкции была приложена, в плотном синем конверте, записка с личной печатью его величества.

Узнав собственноручный почерк монарха, генерал Орпингтон встал и прочел записку стоя.

«Генерал! Так как – я чувствую – вы готовы будете удавиться от тоски после чтения министерской канители, – я предложу вам нечто более интересное.

В министерстве иностранных дел имеются данные, что среди населения Итля существует значительная группа, желающая отдаться под эгиду нашей короны на условиях той же автономии, которой пользуются наши верные колонии.

Вы можете играть в дипломатическую чехарду по инструкции, хотя я думаю, что вы предпочли бы ей хороший бридж, но не упускайте из виду вышеозначенного дела.

Веря вашей энергии и остроумию, пребываю благосклонный к вам Гонорий XIX».

Лорд Орпингтон оглянулся и, взяв записку щипцами для сахара, поднес к ней зажженную спичку.

Пепел он сбросил на пол и растер ногой.

Покончив с благоговейным уничтожением опасного манускрипта, генерал

задумался.

В сущности говоря, в инструкции ничего трудного для понимания не было.

Он расшифровывал ее с такой же непринужденной легкостью, с какой мон-мартрский апаш прочитывает несколько знаков на понятном ему одному жаргоне, начертанных мелом на стене лавчонки в парижском предместье, в которых указывается кратко и ясно, когда удобнее придушить хозяина и где лежит шкатулка с рентой.

Инструкция, занимавшая пять страниц убористого текста пишущей машинки, сводилась для него к примитивной фразе каменного века:

«В удобную минуту съесть вместе с потрохами».

Ибо нужно повторить, что сэр Чарльз был искушенным государственным человеком. Он затянулся маниллой и прислушался к мощным ударам корабельных винтов, внимательно глядя на прекрасно проглаженные белые брюки вахтенного мичмана, виднеющиеся на палубе сквозь жалюзи каютного люка.

И сказал вслух, обращаясь к этим брюкам:

– Друзья мои! Я отлично понимаю, что именно вам нужно! Но разрешите мне, в виде нравственного вознаграждения за гнусную пачкотню, на которую вы обрекаете меня в этой стране черномазых лодырей, одеть ее в сверкающий наряд здорового смеха. Позвольте мне разыграть ее в благородном стиле бессмертной комедии dell' arte². Нужно же и мне извлечь хоть крохотное удовольствие из подарка, который я должен сделать отечеству.

Сэр Чарльз сел в глубокое кресло-качалку и просидел некоторое время, устремив ясные серые глаза на малахитовую, унизанную перлами, ленту, гулко бежавшую за кормой «Беззастенчивого».

И вдруг... о, что сказали бы депутаты крайней левой?.. представитель великой морской державы опрокинулся на спину и задрогал ногами, хохоча, как резвый школьник во время бесшабашной проделки.

Но минутой спустя он снова сидел спокойный и полный того невозмутимого достоинства, которое снискало ему всеобщее уважение сограждан.

На шестые сутки плавания в глубокой синеве горизонта протянулась легчайшая лиловая дымка.

– Имею честь доложить, сэр, – сказал старший лейтенант, поднеся руку к козырьку, – что открылся берег Итля.

Сэр Чарльз поднялся на спардек и взял у вестового бинокль.

Сиреневая дымка ширилась. Вынырнули из синевы розовые скалы, развернулись блаженные долины, усыпанные сахарными искрами вилл, дворцов и дач.

С берега лился пряный, сладковатый запах цветов и фруктов, ибо республика Итль была благословенным субтропическим уголком, беззаботным, как первая улыбка ребенка.

Близилась осененная шатрами платанов здания Порто-Бланко, столицы Итля.

Из моря высунулся, как протянутая для приветия рука, узкий мол с маяком на конце, промелькнули угрюмые стены фортов на скалах, прикрывающих вход в голубую лагуну.

И, одновременно с грохотанием рухнувших якорей, с кораблей эскадры генерала Орпингтона грянул салют в двадцать один выстрел, знак уважения национальному знамени Итля, шелковое полотнище которого взвевал благоуханный ветерок на парапете форта.

Флаг был двух цветов – ярко-зеленого и сиренево-розового.

«Цвет надежды и цвет мечтательной меланхолии, – подумал сэр Чарльз, отправляясь в каюту надеть парадный мундир, – это совсем неплохо для веселого начала».

2. Президент и нация

Самым ярким, самым ослепительным пятном на залитой полуденным зноем террасе была огненно-оранжевая лента, перерезавшая фрак президента от плеча к бедру. Концы ленты были собраны в розетку, и на розетке переливалась кровавыми пламенами рубинов орденская звезда.

Это была звезда первой степени ордена Демократической Свободы.

Президент сам выбирал цвет ленты и три недели совещался с художниками о рисунке звезды. Наконец остановились на идее, которая была дана президентом же. В центре звезды, на круглом финифтяном лазурном поле, молодой Самсон раздирает пасть поверженного льва, изображавшего тиранию.

Звезда имела пять лучей, долженствовавших символизировать пять свобод: свободу печати, собраний, союзов, совести... и свободу вообще.

Когда один тайный недоброжелатель попытался указать главе республики, что самозванное правительство Ассора также избрало своей эмблемой пятиконечную звезду, президент пожал плечами и ответил со снисходительным презрением:

– Ну и что же? У них это просто бессмысленная звезда, а у нас каждый луч имеет демократическое значение. И потом вообще легче всего заниматься безответственной критикой.

Немедленно по утверждению статута парламентом последний преподнес президенту, в ознаменование его гражданских доблестей, первую степень нового ордена, в торжественной обстановке, с речами представителей всех парламентских группировок, музыкой и великолепным фейерверком.

С момента получения ордена президент не снимал фрака даже в домашней обстановке. И злые языки утверждали, что, следуя мудрому закону великого Тимура, господин Аткин решил носить верхнее платье до тех пор, пока оно, за ветхостью, не спадет само с его плотного торса.

Эти рассказы были уже явным преувеличением, но за достоверность одного факта ручалась камеристка президентши.

В ночь банкета по случаю награждения главы государства президент лег в постель, надев ленту поверх ночной пижамы, и сладко заснул, но на заре был разбужен невежливыми толчками супруги, которая заявила резкий протест против злополучной звезды, исцарапавшей ей все бедро.

Президент был крайне возмущен такой претензией, обозвал супругу принцессой Горошиной и с этого дня велел стлать себе постель на диване в кабинете, нарушив, таким образом, целостность семейного ложа. Но звезда была только ловко придуманным предлогом, ибо президент Аткин давно испытывал желание убраться от ночного соседства жены по многим причинам, главнейшей из них была неприличная худоба президентши, острые кости которой доставляли склонному к полноте государственному человеку не менее неудобств, чем ей жесткие края звезды.

Второй причиной была тридцатилетняя блондинка Софи, исполнявшая обязанности бонны при подрастающем первенце президента, но, ввиду неофициальности последнего предлога, мы не станем о нем распространяться.

Терраса, на которой восседал президент за завтраком в кругу своего семейства,

скатывалась в море широкими маршами серого известняка, уставленными пальмами. Бока ее были заплетены трельяжем из виноградных лоз, и солнце, просачиваясь огненным пивом сквозь решето листьев, создавало на белом кафельном полу, на скатерти, серебре и хрустале теплые волны зеленоватых, желтых, розовых и голубых сияний.

Против президента у мирно булькающего пузатого кофейника сидела прямая, как свежеотструганная гробовая доска, мадам Аткин. Тонкий и длинный нос ее был похож на клин, вогнанный в доску по перпендикуляру к ее плоскости.

Восемнадцатилетняя дочь президента Лола, разодетая в легкое платье лунной тафты, лениво перелистывала страницы французского романа, потряхивая стриженной гривкой, которую она выкрасила в цвет отцовской орденской ленты.

Тринадцатилетний наследник дрыгал тугими ногами и качался на стуле, размазывая пальцем по тарелке горчичные узоры, и насвистывал национальный гимн республики с вариациями явно опереточного темпа.

Семейную группу заканчивала бонна Софи, еле видная из-за горы пухлых кайзерок, лежавших на серебряном подносе, такая же свежая и пухлая, как кайзерки.

Она сидела, потупив глаза, скромная и тихая, и ничто не заставляло предполагать в ней возможности пьяного вакхического иступления, которое влекло к ней пылкое сердце президента Аткина и избавляло его от излишней полноты.

Единственно чужим человеком за этим мирным семейным завтраком был министр народного просвещения, человек с огромным, ненасытным аппетитом, завтракавший ежедневно рано утром у себя дома и затем в нормальные часы ленча, по очереди, у своих знакомых, так как его жена, особа экономная и расчетливая, не допускала возможности дважды завтракать в один день у себя дома.

Президент, заложив пальцы за вырезы жилета, толковал министру народного просвещения о выгодах покровительственной таможенной политики и о возможностях, открывающихся перед республикой путем разумной эксплуатации нефтяных промыслов.

Он говорил плавно, гладко и длинно (президент Аткин был адвокат), закругляя периоды и цитируя страницами Роберта Оуэна, Милля и Бем-Баверка, все более и более увлекаясь, пока не был остановлен в своем вдохновенном разбеге восклицанием дочери, отложившей с неудовольствием книгу.

– Господи, помилуй! – сказала она, томно потянувшись и показав министру народного просвещения великолепную линию спины в вырезе платья, – с тех пор, папа, как ты стал президентом, совершенно невозможно завтракать с аппетитом. Неужели ты предполагаешь, что твои разговоры о таможенных пошлинах могут содействовать пищеварению?

Президент нахмурился.

– Я полагаю, Лола, что ваше неуместное вмешательство в наш разговор является недоразумением. Вам, как дочери лица, представляющего собой верховную власть, бесполезно быть в курсе политических вопросов, дабы не оказаться самой в неловком положении и не скомпрометировать вашего отца.

– Вот еще! – ответила Лола, вздернув плечиком. – Вы думаете, мои женихи требуют от меня политических разговоров? Но уверяю вас, отец, что им нужно только, чтобы у меня был хороший цвет лица, достаточно нескромные платья и приличный темперамент. А от ваших сентенций я становлюсь сонной рыбой.

Неужели вы хотите для меня несчастного брака?

Президент вынул пальцы из-за жилета и сделал жест возмущения.

– Дочь моя! Ваши женихи – не вся нация! Меня мало интересует их мнение. Я обязан прислушиваться к голосу всего народа.

– Но, папа, каждому свое! В конце концов народ интересуется тобой по той же причине, что меня мои женихи. Народ ухаживает за тобой, содержит тебя, и ты еще находишься в более выгодном положении, потому что от тебя не требуют темперамента.

Гробовая доска президентши качнулась вперед, и из-под носа раздалось свистящее шипение:

– Лола! Вы с ума сошли?

– Ах, мама! Вы ужасно отстали с вашей первобытной моралью. Я вовсе не хочу идти по вашим стопам в семейной жизни. Я хочу быть настоящей женщиной. А настоящая женщина должна, обязательно должна иметь темперамент. Как вы думаете, господин профессор?

Министр просвещения, только что набивший рот куриной грудкой, поперхнулся и нечленораздельно промямлил:

– М-гм... конечно... наука свидетельствует...

– И, конечно, я думаю, что одного мужа я смогу осчастливить. Но что, если бы от меня потребовал темперамента весь народ? Бр... это ужасно!

Госпожа Аткин торжественно встала, президент раскрыл рот, чтобы прочесть научно обоснованное нравоучение свободомыслящей дочери, и неизвестно, чем кончился бы президентский завтрак, если бы на террасу не вбежал из дома красный и взволнованный личный секретарь президента.

– В чем дело? Что такое? Я, кажется, просил не беспокоить меня во время завтрака? – недовольно спросил президент.

– Виноват... По телефону... комендант порта... Эскадра лорда Орпингтона!..

Все произошедшее в следующее мгновение на террасе можно было бы, без натяжки, сравнить с паникой, происходящей в любой квартире при начале пожара от взорвавшейся керосинки.

Президент Аткин вскочил, отбросив салфетку, и нервно одернул штаны.

Лола метнулась к лестнице террасы и оттуда простонала воркующим голосом секретарю:

– Гри!.. Тащите сюда немедленно морской бинокль, иначе я умру.

Софи увела упирающегося наследника, а мадам Аткин быстро мяла угол скатерти, но оставалась такой же прямой и неподвижной. Профессор спешно дожевывал осетрину, кидая взволнованные взгляды на море.

– Моя милая, – сказал президент супруге, – сейчас подадут машину. Мы отправимся в порт для встречи его превосходительства. Только я просил бы вас не надевать белого платья, а что-нибудь серое или темное.

– Это почему? С какого времени вы стали контролировать мои туалеты? ответила президентша зловещим тоном.

Президент сжался, но имел твердость сказать:

– Я, как лицо ответственное за церемониал встречи, должен следить, чтобы все было в порядке, и самая встреча должна носить как можно более жизнерадостный и яркий характер. Вы же, дорогая, в белом платье производите впечатление... простите за библейский пример... Лазаря в саване... Я лично этим до-